

ИСКУССТВО РЕДАКТОРА

Вышел из печати 160-й номер журнала «22». Как и предыдущие, этот номер отмечен великолепной редакторской работой. Это особое искусство – привлечение и подбор материалов, тематическое их распределение, поиски структуры, которая бы определяла влияния и взаимовлияния различных видов и жанров поэзии, литературы, драматургии, литературной и художественной критики.

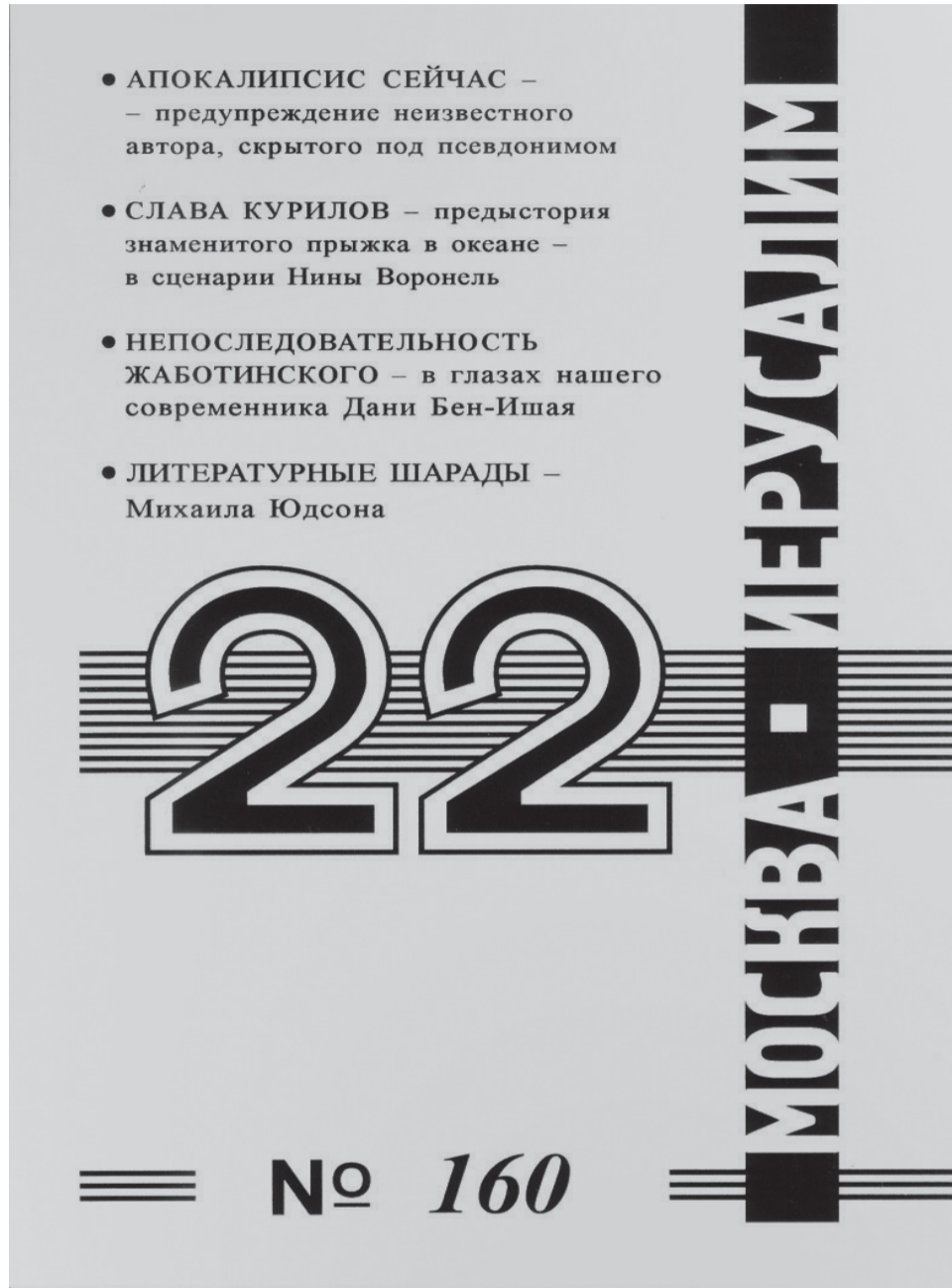
Главному редактору журнала Александру Воронелю в полной мере подвластно это искусство. Его художественно-литературные и философско-эстетические вкусы необычайно многообразны. Вот почему на страницах журнала наряду со стихами, прозой, киносценарием можно встретить удивительное по красоте виртуозной мысли философское эссе Эдуарда Бормашенко «К вопросу о...», или сложнейший по своей аналитике этюд Ильи Кормана «Чудо-время», который как бы опровергает давно устоявшееся представление, будто гармонию нельзя поверить алгеброй.

А открывается журнал стихотворением А. Добровича «Зачем я здесь». Любители поэзии А. Добровича знают его как поэта лирико-философского склада, тонкого мастера в передаче психологических состояний человека ли, природы. Это же стихотворение – яркий пример так называемой гражданской поэзии. Для чего вдруг понадобилось признанному лирику менять тембр голоса и пускаться в поэтический путь едва знакомой ему дорогой вослед гениальным Лермонтову, Некрасову, Маяковскому?

Тему этого стихотворения Александр Воронель определил как грандиозную. И чтобы воплотить ее в поэтическое слово, чтобы найти форму для необычайно сильных душевных эмоций, пришлось ломать такие привычные, но в данном случае – сковывающие лирические рамки.

А вот известный писатель-романист Нина Воронель, автор серии романов-бестселлеров «Ведьма и парашютист», «Полет бабочки», «Дорога на Сириус», «Тель-Авивские тайны» представила в журнале сценарий полнометражного художественного фильма «Сальто-мортале». Здесь увлекательная, динамичная, детективная история облечена в мощную драматургическую форму.

Нужно сказать, что дар драматурга – весьма редко встречающийся дар. Его принципы очень точно описал Михаил Булгаков в «Театральном романе». Это прежде всего – необычайно острое умозрение, обогащенное специфическим воображением, способным в конкретных физических формах представлять предполагаемую реальность. Это тонкое ощущение темпа и ритма быстро сменяющихся друг друга событий. И это, наконец, диалоги – конструктивная основа лю-

• **АПОКАЛИПСИС СЕЙЧАС** –
– предупреждение неизвестного
автора, скрытого под псевдонимом

• **СЛАВА КУРИЛОВ** – предыстория
знаменитого прыжка в океан –
в сценарии Нины Воронель

• **НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ
ЖАБОТИНСКОГО** – в глазах нашего
современника Дани Бен-Ишая

• **ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАРАДЫ** –
Михаила Юдсона

бого драматургического произведения, неумение строить которые никаким другим умением не покрыть.

Нина Воронель настолько хорошо владеет этим умением, что с помощью мастерски сконструированных диалогов, воспринимаемых как естественные, взятые из самой жизни, она в силах придать темп фабуле, манипулировать временем, и главное – лепить индивидуальные образы героев средствами языково-речевых характеристик. А это, поверьте, необычайно сложное дело.

Продолжая разговор о редакторском искусстве, необходимо сказать об одном из любимых приемов Александра Воронеля, которым он часто пользуется. Это – принцип контраста или, точнее, противопоставления. Главный редактор журнала весьма толерантен. Он предоставляет страницы издания правым и левым, религиозным и атеистам, реалистам и авангардистам. Единственное условие – талантливость автора. Единственный критерий – оригинальность созданного. Ученый-физик, А. Воронель хорошо знает, что...нет, не абсолютную истину, и даже не относительную, а только ее микрочастицу, можно добыть в интеллектуальном

циклофазотроне при столкновении идей, мыслей, вкусов, эстетических и художественных интересов, амбиций и тщеславий. И то, в конце концов, эта частица может оказаться и античастицей...

А в настоящем номере журнала А. Воронель показывает два различных мироощущения, мировосприятия, и как следствие – в одном случае – отображение этого мировосприятия, а в другом – его крайне субъективное выражение.

В преамбуле небольшого этюда Сергея Подражанского «Наши анналы» некто загадочный Писатель Ю. (это для непосвященных Писатель Ю. загадочен. А продвинутые хорошо знают, кто такой этот Ю. – с косичкой на умной голове, с толстой сумкой на плече, полной экземпляров журнала «22», способный медитировать, устранять вес своего тела и, преодолевая земное тяготение, мгновенно переносить его (тело) в любую точку Тель-Авива. Имеются свидетельства очевидцев, что Писателя Ю. одновременно видели на улицах Ла-Гардия, А-Масгер, в Тель-авивском университете и даже в квартире Главного Редактора). Так вот, Писатель Ю. определяет жанровую принадлежность

отрывка С. Подражанского как мемуары. А я не согласен! Я настаиваю, что это именно этюд. В его шопеновском понимании, когда свободно струится виртуозная мелодия текста. Когда прямая перспектива художественного мышления автора, минуя плохо освещенные коридоры памяти, возвращает нас в пору нашей израильской юности, в эпоху зарождения и становления газеты, узнаваемым именам почитаемых нами журналистов. Импрессионизм словесной живописи позволяет С.Подражанскому не только с необыкновенной легкостью переходить с одной темы на другую, но и возбуждать светоносную рябь эстетического удовлетворения на поверхности души читателя.

А рядом – произведение кубо-футуро-супрематиста Михаила Юдсона (вот она, рука редактора-режиссера). Характеризуя стиль писателя, мне пришлось соединить воедино основные авангардные течения такого изобретательного на открытия начала XX века. Да и как определить одним словом это волшебство. Может быть, в наше время Михаил Юдсон – единственный, кто повелевает русским языком. Все остальные – у него в зачатках. А между тем, этот объемный шедевр «Завод текста» – якобы критическая статья о новом романе Дмитрия Быкова «Остроумов, или Ученик чародея». Но кто заметил там Быкова? И кто может сказать, о чем его роман? Нет, здесь все свершилось по Оскару Уайльду: «Самая совершенная из форм критики является по сути своей чисто субъективной и стремится нам поведать собственную тайну, а не чьи-то секреты».

Вот именно! Для меня талант Михаила Юдсона – абсолютная тайна! И что бы я ни писал о его прозе – мне эту тайну не постичь. Ну, ладно, одна находка: «...По Эко, экология книги – система самодостаточная, и проза, как некая грибница, своими спорами порождает себе читателей...». Но за этой находкой – еще, и еще, и еще... И ты, ошарашенный, видишь, что каждый сантиметр текста не извлечен из кладовых фантазии, не взращен на черноземе воображения, а изобретен. Михаил Юдсон – изобретатель уникальных вещей. Потому так трудно отыскать аналогии композициям его романов и критических эссе, построенным по принципу обратной перспективы, как в древнерусской иконе, или параллельной, как в китайском или японском искусстве. Его совершенной по цвету пастозной живописи. Его, невзирая на весь кубо-футуризм, классической линии, задыхающейся от любви к самой себе, которая моделирует золотые пропорции внешней литературной формы.

Таков, в самых общих чертах, 160-й номер журнала «22». Но Работа продолжается и на подходе следующий, 161-й номер. Какой он будет? Какие сюрпризы приготовит нам, заинтересованным читателям, главный редактор Александр Воронель? Будем ждать!

Леонид Пекаровский